

Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда

Г. А. Чередниченко

Чередниченко Галина Анатольевна доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35.

E-mail: galcher2211@gmail.com

Аннотация. На основе материалов социологического опроса, проведенного в 2019 г. на всероссийской структурированной выборке студентов заочных отделений вузов и лиц, получивших в 2000–2018 гг. высшее образование по заочной форме обучения, составлен социальный портрет потребителей этой формы обучения, выявлены типы их образовательных траекторий и причины, обуславливающие потребность именно в данной форме получения образования. Сопоставляются субъективные ожидания влияния полученной подготовки на положение на рынке труда и оценки ее реального эффекта; анализируются перемещения дипломников в иерархии социально-профессиональных статусов, произошедшие в результате использования полученной подготовки.

Группа потребителей заочного обучения отличается от имеющих доступ к очной форме получения высшего образования более демократичным по социально-экономическому статусу составом, объемом имеющих-

ся образовательных ресурсов на этапе поступления в вуз и специфическими потребностями, важнейшей из которых является необходимость выхода на рынок труда и/или компенсации пониженной конкурентоспособности. Значительная часть потребителей заочного обучения поступает в вуз, уже имея среднее профессиональное образование, что отражает нарастающую до последнего времени популярность у представителей ряда социальных групп обходной стратегии получения высшего образования — она позволяет избежать рисков сдачи или предъявления результатов ЕГЭ. Объем образовательного капитала, накопленный до поступления в вуз (ему соответствуют четыре типа образовательных траекторий заочников), коррелирует с показателями их социально-экономического происхождения. Преимущества и недостатки образовательного старта сохраняют свое влияние на следующем этапе обучения. Аналогично дифференциация статусов заочников на старте учебы в вузе в дальнейшем проявляется в разной степени успешности, с которой им удастся конвертировать полученное образование в статусы, соответствующие уровню диплома.

Ключевые слова: высшее образование, заочная форма, студенты, дипломники, образовательные траектории, применение в труде диплома о высшем образовании.

DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187

Статья поступила в редакцию в апреле 2020 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00141а «Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда».

Экспансия высшего образования у нас в стране происходила в равной степени за счет роста численности студентов как очной, так и заочной форм обучения. В пятилетие с 2010 по 2015 г. заочники составляли от 52,1 до 46,9% общей численности студентов и от 48,4 до 43,3% выпускников, и только в самые последние годы эти показатели стали снижаться: 39,3% и 40,5% соответственно в 2018 г. [НИУ ВШЭ, 2020. С. 181, 194]. Однако исследования высшего образования сосредоточены преимущественно на очной форме обучения. Между тем получающие высшее образование заочно значимы не только в количественном отношении: совмещение работы с заочной учебой позволяет удовлетворять жизненные потребности широких слоев населения, получающих таким путем доступ к недостижимому иначе повышению уровня своего образования и квалификации, возможность приспособливаться к меняющемуся спросу рынка труда, повышать свою конкурентоспособность на нем.

Превращение высшего образования в массовое, с одной стороны, решило важную задачу демократизации образования, а с другой — привело к снижению стандартов качества обучения, девальвации дипломов на рынке труда, нарастанию диспропорций в подготовке специалистов — выпускников системы высшего образования и среднего профессионального образования по программам подготовки специалистов среднего звена (СПО-ППССЗ) — по группам специальностей [Зубок, Чупров, 2015; Ключарев, 2015; Константиновский, Попова, 2015; Клячко, 2016; Беляков, Клячко, Полушкина, 2018].

Качество человеческого капитала, формируемого заочной формой высшего образования, зависит не только от организации образовательных процессов и структурных показателей такой подготовки, во многом оно определяется образовательными, культурными и социальными характеристиками контингента обучающихся. Поэтому важно составить социальный портрет заочников: с какими образовательными ресурсами они поступают в вуз, как используют полученную подготовку в трудовой деятельности.

1. Актуальные направления исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи

В современной России социологические исследования траекторий молодежи в сфере образования и труда характеризуются широтой и дифференциацией анализа. Основное внимание уделяется изучению влияния на реальный выбор комплекса факторов: объективных и субъективных, внешних социальных детерминант и стратегий субъектов. В рамках серии методологически связанных проектов [Чередниченко, 2001; 2014; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2014] анализируется воздействие демографической ситуации, состояния рынка труда, развития системы образования и, главное, аскриптив-

ных факторов (образования, социально-экономического положения родителей, места жительства, пола) на образовательные и профессиональные траектории разных групп молодежи — выпускников средних школ, получивших подготовку по двум видам программ среднего профессионального образования, рабочей и сельской молодежи. Образовательные и профессиональные траектории исследуются в хронологической динамике [Константиновский, 1999; Константиновский и др., 2015], в динамике взросления [Константиновский и др., 2011], в региональном плане [Харченко, 2008]. Более частные вопросы связи качества накопленного образовательного капитала и трудоустройства, отслеживания карьеры выпускников рассматриваются на примере отдельных профессиональных групп или вузов [Донецкая, Довгаль, 2018; Сандлер и др., 2018; Юшкина, 2019].

В последние годы в ходе крупных международных и мониторинговых исследований траектории изучаются как многоступенчатый кумулятивный процесс, разворачивающийся в зависимости от семейного бэкграунда, институтов образования, мест работы и проч. В рамках концепции *life course* главным объектом исследования становится движение человека через образовательную систему, где предыдущие решения и опыт оказывают воздействие на последующие. Анализируются *первичные и вторичные эффекты социального происхождения в образовательном процессе и выборе учащихся 9-х и 11-х классов школы*, выявляется специфика стратегий ряда социальных групп [Бессуднов, Малик, 2016; Косякова и др., 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019], изучается влияние институциональных и культурных изменений в ходе общественного развития на гендерную сегрегацию при выходе на рынок труда [Косякова, Куракин, 2016].

Комплексное социологическое исследование особых потребностей отдельных групп населения в заочной форме получения высшего образования, их социального поведения в сфере образования, развития этой формы подготовки в вузах, использования и конвертирования полученной подготовки в профессиональные и квалификационные позиции на рынке труда при финансовой поддержке РФФИ проводит Институт социологии ФНИСЦ РАН. Оно включает разработку в динамике первичных статистических материалов за 2000–2017 гг., опубликованных на сайте Минобрнауки РФ, а также в официальных выпусках государственной статистики [Чередниченко, 2018]; анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Чередниченко, 2019]; проведенного в 2019 г. онлайн-опроса студентов-заочников и дипломников, получивших заочную подготовку в вузах в 2000–2018 гг.; 42 глубинных интервью с 19 студентами и 23 дипломниками с трудо-

2. Проект Института социологии ФНИСЦ РАН

вым стажем от 3 до 15 лет после получения заочно высшего образования (из числа лиц, участвовавших в опросе).

В данной статье мы используем только результаты опроса, но не материалы интервью. Такое определение эмпирической базы, естественно, означает ограничения в рассмотрении некоторых исследовательских вопросов: в выявлении социальных групп потребителей, которые без доступа к заочному обучению оказались бы аутсайдерами в конкурсной гонке у входа в вузы; в описании особых потребностей, ограничений и жизненных обстоятельств, связанных с обращением к заочному обучению в вузе; в характеристике основных типов складывающихся образовательно-профессиональных траекторий потребителей заочного образования, специфики их проектирования и реальных стратегий; в раскрытии особенностей положения выпускников-заочников на рынке труда до и после получения диплома, использования и конвертирования ими полученной подготовки и др.

Опрос студентов заочного обучения и дипломников, получивших заочную подготовку в вузах в 2000–2018 гг., проводился онлайн в мае 2019 г. Его реализовала исследовательская компания ООО *Tiburón Research*, обеспечивающая репрезентативность данных благодаря предоставлению всероссийской онлайн-панели респондентов численностью 550 тыс. человек, структурированной по 12 показателям, в том числе по полу, возрасту, размеру дохода личного и на одного члена семьи, семейному и материальному положению, должности, сфере деятельности. Выборка студентов и дипломников заочного обучения в вузах охватывала респондентов, живущих во всех городах РФ с населением более 500 тыс. человек. Подвыборка студентов строилась с учетом данных государственной статистики об охвате молодежи (населения в возрасте 17–25 лет) всеми программами высшего образования (31,8% в 2016 г.) и доли обучающихся заочно в общей численности студентов вузов (40,8% в 2017/2018 учебном году). Подвыборка дипломников строилась с учетом данных государственной статистики о доле получивших заочное обучение в общем выпуске из вузов (каждый год с 2000 по 2017 г.) и об охвате молодежи всеми программами высшего образования (каждый год с 2000 по 2017 г.). Статистическая разработка проводилась на массивах 212 анкет студентов и 213 анкет дипломников. В обеих подвыборках соотношение мужчин и женщин среди опрошенных одинаково: соответственно 35,3 и 64,7%. Распределение по возрастным группам у студентов: лица в возрасте 18–20 лет составляют 11,8%, 21–25 лет — 38,7%, 26–30 лет — 32,1%, 31–35 лет — 17,4%. Возрастной состав дипломников: 18–25 лет — 3,4%, 26–30 лет — 14,5%, 31–35 лет — 31,6%, 36–40 лет — 27,6%, 41–45 лет — 23,0%.

Опрос осуществлялся по анкете студента (28 вопросов) и анкете дипломника (29 вопросов). 28 вопросов обеих анкет, по

сути, идентичны, за исключением того, что семь вопросов сформулированы для студентов относительно текущего или проективного состояния, а для дипломников — относительно прошедшего положения или реализации (например: «Чему поможет получаемое вами заочное образование?/Чему помогло полученное вами заочное образование?»). Особое внимание уделялось повышению достоверности и надежности полученных данных по ряду важнейших показателей объективного состояния, таких как статус респондентов и их родителей, ранг вуза обучения, специальность. Сведения собирались из 14 письменных ответов респондентов на открытые вопросы анкеты, которые далее кодировались исследователями с использованием классификаторов Росстата РФ и их кликабельных ссылок, а также рейтинга вузов России RAEX.

Вполне естественно ожидать от потребителей заочного обучения в вузах сниженных относительно таковых у потребителей очного обучения и студентов селективных вузов показателей социально-культурного бэкграунда. Еще в советское время прямым назначением заочного обучения было обеспечение доступа к высшему образованию рабочей и сельской молодежи — тем, кто не может позволить себе не трудиться и не зарабатывать.

В распределении родителей обследованных заочников по уровню образования на момент окончания школы респондентами модальной является группа имеющих среднее профессиональное образование: на нее приходится 31,7% отцов и 42,0% матерей. На втором месте по численности лица с высшим образованием — 29,2% отцов и 32,6% матерей. Более низкие уровни образования — начальное профессиональное и среднее общее — имеют несколько чаще отцы заочников (соответственно 16,6 и 13,4%), чем их матери (10,1 и 11,0%). В распределении родителей опрошенных на основании их социально-профессионального статуса на момент окончания школы респондентами ясно выражена поляризация модальных и рядом расположенных групп отцов относительно групп матерей. У отцов самой многочисленной является группа «квалифицированные рабочие» (35,7%), следующая по численности — «полуквалифицированные рабочие» (23,5%). У матерей модальной группа представлена специалистами среднего уровня квалификации (25,9%), наиболее близкая к ней — специалистами высшего уровня квалификации (21,9%). Аналогичным образом поляризованы и наиболее массовые агрегированные группы: 61,7% отцов относятся к категории рабочих, статус «белых воротничков» имеют 29,3% отцов; у матерей соответственно 21,9 и 73,2%. Таким образом, путь к получению высшего образования через заочную форму обучения используют наиболее часто те, кто со-

3. Образовательные траектории

3.1. Социальный портрет заочника

вершает социальную мобильность от отцов-рабочих и матерей, занимающих «беловоротничковые» позиции, большая часть которых не требует высшего образования.

Школьное обучение закончили в селах и поселках 25,2% опрошенных, пятая их часть росли и воспитывались в семье без отца. Оценивая материальное положение семьи на момент окончания ими школы по шкале от 1 до 5, 39,3% заочников указывали среднюю позицию: «Доходы позволяли нормально питаться, одеваться и даже покупать некоторые товары длительного пользования», и 37,9% опрошенных — позицию на ступень ниже: «Денег хватало на самое необходимое: скромные питание, одежда и обувь, оплата коммунальных услуг, поддержание жилища».

Таким образом, заочники рекрутируются из слоев населения с невысоким социально-экономическим статусом; в социально-культурном и экономическом отношении они характеризуются более «слабыми» позициями, в сравнении с выпускниками средней школы, преимущественно поступающими на очные отделения вузов [Хавенсон, Чиркина, 2019. С. 547–550]. Именно заочная форма обучения позволяет повысить доступность высшего образования и стимулировать социальную мобильность в период растущего неравенства в ресурсах и возможностях.

Особенности социально-экономического положения семей заочников непосредственно сказываются на том, какими мотивами респонденты объясняют отказ от получения высшего образования очно. Выбирая из 11 предложенных обстоятельств и имея возможность отмечать до 3 пунктов, наиболее часто они указывают материальные причины. 52,0% опрошенных выбрали позицию «Надо было начинать работать и зарабатывать», 29,9% — «Считал(а) более рациональным совмещение», 22,5% — «Не было средств на оплату очного обучения». Гораздо реже респонденты объясняют выбор заочного обучения своей невысокой конкурентоспособностью: 12,9% опрошенных указали один из ответов: «Не прошел(шла) по конкурсу на очное» и «Не мог(ла) рассчитывать на бюджетное место».

3.2. Образовательные траектории до поступления в вуз

Конкурс на заочное обучение в вузах существенно ниже, чем на очное. По данным госстатистики, в 2016 г. в государственных вузах по заочным отделениям он составлял 2,23 заявления на одно место, по очным — 6,77; в негосударственных вузах — 1,26 и 2,76 соответственно [Чередниченко, 2018. С. 255]. Низкий конкурс является важным фактором выбора именно этой формы образования для ряда групп потребителей. Поступающие в вузы на заочное обучение существенно отличаются от «очников» уровнем образования при приеме. По данным госстатистики, среди поступающих на очные отделения преобладают — в 2000–2016 гг. они устойчиво составляли около 90% абитуриентов — вы-

Таблица 1. Уровень образования при приеме в вуз на заочное обучение, %

Уровень образования и вид обучения	Доля выборки
Средняя школа, гимназия, лицей; очное обучение	26,8
СПО-ППССЗ, очное обучение	49,9
СПО-ППССЗ, заочное обучение	6,4
СПО-ППКРС совместно со средним образованием	2,6
Высшее образование, очное обучение	11,1
Высшее образование, вечернее/заочное обучение	3,3
Всего	100,0

Численность респондентов — 425 человек.

пускники средних школ, причем преимущественно окончившие школу в текущем году [Чередниченко, 2018. С. 261]. Распределение поступающих на заочное обучение по уровням образования, основанное на результатах опроса, представлено в табл. 1. Большинство (59%) имеют среднее профессиональное образование (СПО), причем преобладающим каналом его получения является очное обучение по программам подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) — 49,9%, а лиц, обучавшихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих (ППКРС), исключительно мало — 2,6%. Существенно меньшая доля приема (26,8%) приходится на лиц со средним общим образованием; среди них преобладают бывшие школьники, выпускники гимназий и лицеев составляют 6,5%. 14,4% заочников — это те, кто получает второе высшее образование; существование этого потока определено законодательно: повторное получение высшего образования допускается только в заочной форме.

Разными оказываются и образовательные пути, которыми заочники шли к поступлению в вуз. По сочетанию школьной и любой другой образовательной подготовки, предшествовавшей приему в вуз, почти все опрошенные относятся к одной из четырех образовательных траекторий. Три из них соразмерны друг другу по численности: «основная школа — СПО» (27,8% потребителей заочного обучения), «средняя школа — СПО» (31,1%) и «средняя школа» (26,3%). После окончания средней школы около половины заочников поступили в вуз в первый год, остальные в дальнейшем. Заметно меньше представителей четвертой траектории — тех, кто после окончания средней школы получал первое (преимущественно в очной форме) высшее об-

разование и затем повторно поступал в вуз — это траектория «средняя школа — первое высшее образование», 13,6%. Выпадают из этих четырех траекторий всего 2,2% опрошенных.

Поток поступающих на заочные отделения вузов через обучение в СПО наиболее массовый, что свидетельствует о существовании (с некоторыми изменениями после 2017 г. — см. ниже) в российской образовательной системе обходного пути к высшему образованию: минуя риски сдачи ЕГЭ, неизбежные в случае более селективного академического трека — окончания средней школы. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что путь «в университет через колледж» является популярной стратегией у выпускников основной школы из семей, сравнительно слабо обеспеченных социально-экономическими и культурными ресурсами. Исходя из своих представлений о выгодах, издержках и рисках, они выбирают путь, который предоставляет дополнительную гарантию на рынке труда в виде диплома о СПО-ППССЗ и открывает возможности продолжения образования в высшей школе. [Александров, Тенишева, Савельева, 2015; Константиновский, Попова, 2018]. В ходе мониторинга ВШЭ «Траектории в образовании и профессии» было обнаружено, что наряду со «слабыми» в социальном отношении группами абитуриентов к этому маневру прибегают еще и учащиеся из наиболее благополучных семей, уровень успеваемости которых не позволяет рассчитывать на успешную подготовку к ЕГЭ в средней школе [Косякова и др., 2016. С. 92, 95]. Именно наличием среди представителей траектории «основная школа — СПО» выходцев из высокообразованных семей могут объясняться (см. далее) некоторые отступления в выявляемых общих тенденциях изменения тех или иных характеристик у представителей рассматриваемых четырех траекторий. Еще один вариант стратегии «в вуз через колледж» проявляется в траектории «средняя школа — СПО». Около половины тех, кто ее избрал, поступают в вуз в год получения СПО. Весьма вероятно, что они получают это дополнительное образование в том числе и ради возможности при приеме в вуз предъявлять диплом СПО вместо недостаточно высоких результатов ЕГЭ.

После 2017 г. произошли некоторые изменения в правилах поступления в вуз с дипломом СПО-ППССЗ. Прием теперь осуществляется либо по результатам ЕГЭ, либо по баллам вступительных внутренних экзаменов, устанавливаемых вузом, факультетом, отделением, — в большинстве случаев по выбору поступающего. О том, что это нововведение не изменило сколько-нибудь существенно использование стратегии «в вуз через колледж», можно судить по данным госстатистики: с 2014 по 2018 г. в структуре общего приема в вузы доля лиц, получивших в текущем году образование по ППССЗ, оставалась посто-

Таблица 2. Характеристики социально-экономического положения родительской семьи заочников, относящихся к разным образовательным траекториям, %

Образовательная траектория до вуза	Доля матерей с высшим образованием	Доля отцов-рабочих	Доля семей, имевших доход ниже/выше среднего
Основная школа — СПО	27,5	67,0	48/15
Средняя школа — СПО	26,2	69,7	45/13
Средняя школа	37,5	57,5	42/18
Средняя школа — первое высшее образование	43,1	43,1	39/24

Численность респондентов — 425 человек.

янной — 11% [НИУ ВШЭ, 2020. С. 58]. Еще в меньшей мере оно, по-видимому, сказалось на заочниках, учитывая, что конкурс на заочное обучение ниже, чем на очное, а абитуриенты-заочники редко выбирают вузы с высокой репутацией.

Рассмотрим связь выбираемых заочниками образовательных траекторий с их бэкграундом. В табл. 2 представлен ряд характеристик социокультурного и экономического положения родителей заочников, фиксированных на момент окончания опрошенными школы.

В представленной последовательности траекторий — от первой до четвертой — в целом растет доля матерей, имеющих высшее образование (с 26,2 до 43,1%); снижается удельный вес отцов, имеющих статус рабочего (с 69,7 до 43,1%); уменьшается доля семей с доходами ниже среднего (с 48 до 39%) и увеличивается доля семей с доходами выше среднего (с 13 до 24%). Несколько выбивается из общей картины траектория «основная школа — СПО». Причина, возможно, заключается в смешанном социокультурном составе учащихся, относящихся к этой группе: помимо представителей низкоресурсных социальных слоев, в ней присутствуют выходцы из высокообеспеченных семей.

Последовательность траекторий в табл. 2 представляет собой определенную иерархию, которая на примере потребителей заочной формы высшего образования иллюстрирует известную связь между социально-экономическим статусом родителей и образовательными траекториями детей. При анализе данной связи, которая трактуется как воспроизводство социального неравенства в образовании, широко распространена в зарубежной литературе, а также используется российскими исследователями концепция первичных и вторичных эффектов социально-

го происхождения [Бессуднов, Малик, 2016; Косякова и др., 2016; Хавенсон, Чиркина, 2019]. Следствием первичных эффектов считается обусловленное социальным происхождением неравенство в успеваемости, а вторичных — неравенство образовательных траекторий, не связанное с различиями в успеваемости. Имеющиеся эмпирические данные не позволяют строго разграничить первичные и вторичные эффекты. Они позволяют говорить о воздействии уровня образования, социального статуса, материального положения родителей в совокупности и на успеваемость, и на тип образовательной траектории их детей. С одной стороны, от первой к четвертой траектории растет академическая успешность их представителей, о чем свидетельствует их все более высокая конкурентоспособность: более высокая успеваемость позволяет окончить среднюю школу (траектория № 2), а не уходить после окончания основной (№ 1); лучшие результаты учебы в средней школе позволяют поступить на заочное отделение в вуз (№ 3), а не переходить в СПО (№ 2); наиболее высокие результаты в средней школе ведут к получению первого, главным образом очного, высшего образования (№ 4). С другой стороны, данная иерархия траекторий выстраивается по возрастанию уровня и вида подготовки, фиксирует рост объема накопленного образовательного капитала ко времени поступления заочника в вуз, тем самым она отражает также воздействие вторичных эффектов социального происхождения на формирование неравенства в образовании. Наличие вторичных эффектов подтверждается сохранением этого влияния на следующем этапе образовательных траекторий заочников.

3.3. Продолжение образовательных траекторий

В табл. 3 показана связь типа предшествующей образовательной траектории с рангом вуза, в который ее представители поступают на заочное обучение. Чем выше позиция образовательной траектории в выявленной иерархии, тем больше доля ее представителей (с 6,1% для траектории № 1 до 22,4% для № 4), оказавшихся принятыми на учебу в наиболее престижные вузы, занимающие места с 1-го до 50-го в топ-100 RAEX¹, и, напротив, тем меньше их получают или получили подготовку в вузах, не вошедших в первую сотню рейтинга. Есть небольшое отступление от общей тенденции: повышенная доля (15,8%) представителей траектории № 1, оказавшихся в вузах, занимающих в топ-100 позиции с 51-й по 100-ю, и, соответственно, чуть сниженная доля

¹ Рейтинговое агентство RAEX-Аналитика с 2012 г. составляет ежегодные рейтинги вузов России, используя статистические показатели и опросы 30 тыс. респондентов: представителей академических и научных кругов, студентов и выпускников, работодателей. Используется рейтинг 2018 г. <https://lugasoft.ru/ok/okz/2014>; <https://lugasoft.ru/ok/okved/2014>; <http://www.edu.ru/abitur/act.9/index.php?rating/rating-2018.html>

**Таблица 3. Ранг вуза обучения:
позиция относительно топ-100 RAEX**

Тип предшествующей траектории	Топ-100		Другие вузы	Всего
	№ 1–50	№ 51–100		
1. Основная школа — СПО	6,1	15,8	78,0	100
2. Средняя школа — СПО	11,4	8,3	79,6	100
3. Средняя школа	14,3	9,8	75,1	100
4. Средняя школа — первое высшее образование	22,4	10,3	67,2	100

Численность респондентов — 425 человек.

представителей этой траектории, попавших в «другие вузы». Видимо, здесь мы вновь сталкиваемся с последствием использования обходного маневра «в университет через колледж» двумя не равными по численности и по объему наличных социально-экономических ресурсов группами потребителей. Возможно, именно социально более благополучная часть контингента траектории «основная школа — СПО» может, с одной стороны, конвертировать преимущества своего социально-экономического положения в чуть более частый выбор престижных вузов из топ-100, но с другой — из-за невысоких академических достижений получить доступ только во вторую половину первой сотни: в вузы, занимающие позиции от 51-й до 100-й.

Половина представителей траектории № 1, чуть меньше половины контингента траектории № 2 и чуть больше половины тех, кто избрал траекторию № 3, поступают в вуз заочно сразу после окончания предыдущего учебного заведения, и еще около одной шестой этой выборки — в ближайшие два года. То есть примерно для двух третей потребителей заочного обучения оно является реализацией устойчивой ориентации на непрерывное продолжение образования вплоть до достижения уровня высшего. При этом в первом и втором случае, т. е. после СПО, студенты в качестве мотива выбора именно заочного обучения указывают преимущественно «Надо было начинать работать». Частота упоминания этого мотива в данной группе опрошенных выше, чем в среднем по выборке. Представители траектории № 3 упоминают этот мотив существенно реже, эти студенты чаще других отмечают факт собственной низкой конкурентоспособности; последнее обстоятельство также относительно значимо и для представителей траектории № 2. Только каждый десятый из представителей траекторий № 1 и № 2 на старте учебы в вузе не работал, тогда как среди выбравших траекторию № 3,

т. е. окончивших только 11 классов, таких более трети. Очевидно, в первом и втором случае совмещение учебы в вузе с работой выбирают осознанно, а в третьем оно оказывается результатом вынужденного решения в пользу более низкого конкурса при приеме. Траектория № 4 существенно отличается от других. Только треть ее представителей начинают заочное обучение сразу после окончания предыдущего вуза. Почти половина обучается по программам магистратуры, тогда как представители других траекторий получают преимущественно подготовку бакалавров и специалистов.

Таким образом, данные опроса потребителей заочного высшего образования подтверждают на ином эмпирическом материале основные результаты, полученные при исследовании образовательных траекторий учащихся школ и СПО [Александров, Тенишева, Савельева, 2015; Косякова и др., 2016; Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018]: существование обходного маневра «в вуз через колледж» как стратегии ряда социальных групп и учащихся с невысокими академическими достижениями; социально-экономическое положение как важный фактор формирования образовательной траектории на каждом этапе образовательной карьеры; сохраняющееся отчасти и на более поздних этапах образовательной траектории влияние социальных преимуществ или недостатков, детерминирующих ее начальный этап.

4. Изменения положения в сфере труда

4.1. Ожидания и реальность

Независимо от того, поступают ли они в вуз сразу после выпуска из предшествующего учебного заведения (46,7% опрошенных студентов и 50,2% дипломников) или некоторое время спустя, все заочники стремятся к улучшению своего положения на рынке труда. Чтобы понять, что ожидали получить от вузовской подготовки поступающие учиться заочно и что получили, сопоставим представления студентов о вероятном влиянии заочной вузовской подготовки на их трудовые позиции с оценками ситуации, полученными от дипломников со стажем работы². В табл. 4 приведено распределение ответов студентов на вопрос «Чему поможет получаемое вами заочное высшее образование?», а в табл. 5 — распределение полученных от дипломников оценок того, как и в чем изменилось их положение на работе благодаря полученной подготовке. Студенты могли отмечать до трех вариантов ответа из предложенных, поэтому доли от числа ответивших по каждому вопросу в сумме составляют больше 100%. Дипломники отвечали «да/нет» по каждо-

² Среди опрошенных дипломников имеют трудовой стаж после окончания вуза: от 1 до 6 лет — 32,9%, от 7 до 12 лет — 42,7%, от 13 до 19 лет — 24,4%.

Таблица 4. Вопрос: «Чему поможет получаемое заочно высшее образование?»

Ожидания студентов	Доля от числа ответивших, %
Занять должность, соответствующую диплому о высшем образовании	53,8
Продвинуться на рынке труда в целом	32,5
Продвинуться в данной организации/фирме	32,1
Лучше трудоустроиться, получить искомое место работы	27,4
На равных конкурировать на рынке труда с выпускниками очных вузов	23,1
Организовать собственное дело	20,8
Защититься от увольнения, сокращения кадров	6,6
Ни в чем не скажется	5,7

Численность респондентов — 212 человек.

Таблица 5. Вопрос: «Заочное высшее образование укрепило или изменило положение на работе?»

Ответы дипломников	Доля респондентов, для которых утверждение верно, %
Не укрепило и не изменило положения на работе	42,3
В целом упрочило положение на рынке труда	55,9
Упрочило право на занимаемое рабочее место	49,3
Помогло в смене работы благодаря диплому о высшем образовании	46,5
Упрочило право на уровень оплаты по данному месту работы	42,7
Помогло в смене работы в соответствии с полученной специальностью	40,8
Дало рост зарплаты по данному месту работы	39,9
Дало повышение по данному месту работы	38,5
Дало повышение в результате смены работы	35,7

Численность респондентов — 213 человек.

му вопросу, и в табл. 5 указана доля среди респондентов тех, к кому данное положение относится.

Наиболее значимое расхождение между ожиданиями и реальностью обнаруживается в частоте случаев отсутствия какой-либо отдачи от полученной подготовки: только 5,7% опрошен-

ных студентов полагали до начала обучения, что заочная учеба в вузе «ни в чем не скажется», а среди дипломников 42,3% сочли, что полученное образование «не укрепило и не изменило положения на работе». В ожиданиях отдачи от получения подготовки ценность продвижения превалирует над ценностью конкретных условий трудоустройства: среди студентов значительно больше тех, кто говорит о продвижении вообще («занять должность, соответствующую диплому о высшем образовании» — 53,8%, «продвинуться на рынке труда» — 32,5%), чем тех, кто упоминает конкретные цели («получить искомое место работы», «организовать собственное дело», «защититься от увольнения» — соответственно 27,4; 20,8; 6,6%). Оценивая реальные эффекты полученной подготовки, дипломники чаще упоминают легитимацию трудового положения («упрочило положение на рынке труда», «упрочило право на занимаемое рабочее место» — 55,9 и 49,3%), чем конкретные факты повышения или продвижения по службе («рост зарплаты» — 39,9%, «повышение по месту работы» — 38,5%, «повышение в результате смены работы» — 35,7%). В их оценках более общие позиции («упрочение положения на рынке труда» — 55,9%) превалируют над частными («упрочение права на занимаемое рабочее место» — 49,3%; «рост зарплаты» — 39,9%). Смену работы в соответствии с дипломом о высшем образовании дипломники упоминают несколько чаще (46,5%), чем смену работы в соответствии с полученной специальностью (40,8%).

Таким образом, студенты-заочники ожидают от получения высшего образования профессионального роста, повышения, продвижения в труде, а в реальности в качестве наиболее частого эффекта отмечается общее укрепление положения на рынке труда и легитимация занимаемой позиции, а факты продвижения и роста респонденты, уже длительное время работающие после получения диплома вуза, отмечают реже.

4.2. Динамика статусов

Более информативными показателями изменения трудового положения лиц с дипломом вуза, оконченного заочно, могут служить данные о динамике социально-профессионального статуса респондентов. Респонденты сообщали сведения о своем статусе письменно в виде ответов на серию открытых вопросов, которые далее кодировались. В табл. 6 приведены два распределения дипломников согласно их социально-профессиональному статусу: то, каким оно было в период их поступления в вуз, и то, каким оно стало на момент опроса, когда большая их часть уже длительное время трудилась после получения диплома.

Среди дипломников наиболее значимой была динамика доли лиц, чей профессиональный статус соответствует уровню квалификации по диплому о высшем образовании, — этот показатель вырос в 3,2 раза и составляет 65,3%. Из них 50,7% при-

Таблица 6. Статус дипломников при приеме в вуз и на момент опроса, %

	При приеме	На момент опроса
Руководители	1,9	14,6
Специалисты высшего уровня квалификации	18,8	50,7
Специалисты среднего уровня квалификации	29,1	6,6
Служащие, занятые подготовкой информации	5,6	1,9
Работники торговли, сферы обслуживания, ЖКХ	12,7	2,3
Квалифицированные рабочие	10,8	3,3
Полуквалифицированные рабочие	2,3	2,3
Неквалифицированные рабочие	3,3	0,5
Другие	3,3	4,7
Не работают или нет информации	12,2	13,1
Всего	100	100

Численность респондентов — 213 человек.

ходится на специалистов высшего уровня квалификации (рост доли в 2,7 раза) и 14,5% — на руководителей (их доля выросла наиболее резко — в 7,7 раза). Очевидно, формальное требование наличия диплома о высшем образовании наиболее значимо для доступа к позиции руководителя. Перемещение на позиции руководителей и профессионалов шло за счет сокращения доли представителей всех других статусов. Весьма интенсивным оно было по группе специалистов средней квалификации (уменьшение с 29,1 до 6,6%) и квалифицированных рабочих (с 10,8 до 3,3%), что отражает смену занятий после получения высшего образования таким большим потоком потребителей, как лица с наиболее массовым стартовым образованием СПО-ППССЗ. Сильнее всего (с 12,7 до 2,3%) сократилась доля работающих в торговле и сфере обслуживания — отраслях, достаточно популярных у молодежи в качестве места работы в начале трудового пути. Доля полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих была и осталась небольшой — 5,6% при поступлении в вуз, 2,8% на момент опроса. Таким образом, о 16,9% дипломников известно, что они не сумели конвертировать полученное высшее образование в занятие, соответствующее формально присвоенному по диплому уровню квалификации. Кроме того, 13,1% дипломников на момент опроса не работали или о них нет информации, и еще 4,7% были военнослужащими или фрилансерами.

Среди 65,3% дипломников, которые в результате трудовой карьеры обрели статусы руководителей и профессионалов, 20,7% занимали эти позиции уже на момент поступления на заочное отделение в вуз. Но только 8,0% имели до начала заочного обучения высшее образование — это представители образовательной траектории «средняя школа — первое высшее образование»; оставшиеся 12,7% занимали рабочие места руководителей и профессионалов без формального на то права, и они шли в вуз на заочное отделение ради того, чтобы стабилизировать и узаконить свою позицию.

Чтобы выяснить, влияет ли, и если влияет, то в какой степени стартовый статус на успех конвертации полученного заочно высшего образования в позиции, соответствующие формально этому уровню подготовки, рассчитаем долю тех, кто достиг позиции руководителя или профессионала, среди представителей разных стартовых статусов. Группы, образованные на основании стартовых статусов, различаются долей лиц, приходящихся на позицию «не работали/нет информации». Это в некоторой степени снизит точность рассчитываемого показателя, однако не помешает выявить тенденцию его изменения у разных групп, что в данном случае наиболее важно. Итак, позиции, которые соответствуют уровню квалификации, закреплённой в дипломе о высшем образовании, заняли в ходе трудовой карьеры 89% имевших на старте статус специалистов высшей квалификации (5% приходится на «нет сведений»), 73% стартовавших как специалисты среднего звена (13% — «нет сведений») и 56% респондентов среди служащих, работников торговли и сферы услуг и рабочих как единой группы (13% — «нет сведений»). Лучшее положение на рынке труда у выбравших путь «в вуз через колледж» подтверждает «рентабельность» первоначальной стратегии достижения двух целей: доступа к высшему образованию и гарантии получения относительно востребованных на рынке труда рабочих мест. Приобретаемый на таких позициях трудовой опыт в соединении с вузовской подготовкой стимулирует профессиональное продвижение. Тем, у кого на старте были более «слабые» трудовые позиции, сложнее конвертировать полученное в результате заочной учебы высшее образование в статус, соответствующий диплому.

В полном соответствии с теорией культурного капитала в социальном плане «невезучими» гораздо чаще других оказываются выходцы из семей, в которых нет опыта получения высшего образования. Слабая информированность в этом поле оборачивается неспособностью правильно оценить различия между вузами и перспективы, открывающиеся на рынке труда после окончания того или иного учебного заведения, сравнить виды и программы обучения, разные специальности. В результате первые в семье студенты вуза часто выбирают структурные под-

разделения, программы обучения, специальности низкого качества или не имеющие хороших перспектив трудоустройства. Существование таких программ и специальностей в поле высшего образования неизбежно в результате действия рыночных механизмов ответа образовательной системы на рост спроса на диплом вуза.

Выявленное ранее положение о частичном сохранении и конвертации социальных преимуществ или недостатков, детерминировавших начальный этап образовательной траектории, на следующем ее этапе, оказывается справедливым и в отношении дальнейшей образовательно-трудовой карьеры.

К заочной форме получения высшего образования обращаются два потока потребителей. Во-первых, молодежь, устойчиво ориентированная на непрерывное продолжение обучения до уровня высшего образования и использующая специфические стратегии, которые благодаря промежуточной подготовке в СПО позволяют уклониться от предоставления результатов ЕГЭ при приеме в вуз и гарантированно выйти на рынок труда и/или преодолеть ограничения, налагаемые невысокой конкурентоспособностью. Во-вторых, те, кто поступает на заочное обучение в вузы, имея трудовой стаж более двух лет: они составляют меньшую часть потребителей и реализуют таким способом свою потребность в мобильности и/или стабильности на рынке труда.

Потребителями заочного образования оказываются главным образом выходцы из семей с относительно небольшими культурными и социально-экономическими ресурсами. Они различаются по объему накопленного к моменту поступления в вуз образовательного капитала. Эти различия проявляются в четырех типах образовательных траекторий, предшествующих приему в вуз. Типы траекторий складываются в иерархию, которой соответствует иерархия уровней культурного и социально-экономического положения *родителей этих студентов. Преимущества и недостатки стартового образовательного капитала представителей данных траекторий в определенной мере сохраняются и конвертируются в качественные характеристики образования, получаемого в вузе.*

Связанная с объемом образовательного капитала дифференциация занимаемых на старте заочной учебы социально-профессиональных позиций *влияет на степень успешности*, с которой полученную подготовку удастся конвертировать в статусные позиции на рынке труда, соответствующие уровню квалификации, закрепленному в дипломе. Выгоды получают подгруппы, более обеспеченные на старте образовательными и статусными ресурсами. Успешность конвертации полученного

5. Заключение

диплома в социально-профессиональный статус существенно выше у тех, кому диплом был нужен для продвижения на позицию руководителя или специалиста высшей квалификации или для легитимации такой позиции. За ними на шкале успешности следуют те, кто с позиций специалистов среднего звена переходит в статус профессионалов и руководителей. В худшем положении оказываются стремившиеся с помощью диплома продвинуться с позиций служащих, работников торговли и сферы услуг, рабочих: им это удается реже, чем в среднем по выборке.

Таким образом, заочная форма обучения способствует существенной демократизации высшего образования и открывает доступ к нему лицам с относительно невысоким социально-экономическим и культурным статусом. Однако те, кто приступает к такой учебе с более слабых стартовых позиций, порой не получают желаемого эффекта от диплома о высшем образовании, к получению которого они массово стремятся в ожидании «прибавки к зарплате» на рынке труда.

Безусловны социальные и экономические преимущества, которые в результате накопления образовательного капитала получает большая часть потребителей заочного высшего образования. Не говоря уже об оставшемся за рамками данного исследования, но не подлежащем сомнению позитивном влиянии образования на развитие личности, социальное поведение и о многих других косвенных эффектах. Задачей представленного исследования было осветить ряд социальных противоречий в функционировании заочного обучения в вузах. Имея целью предоставить возможность получить высшее образование тем, кто не может обойтись без доходов, получаемых на рынке труда, заочное обучение становится полем реализации обходных стратегий (альтернативных традиционной академической траектории «средняя школа — вуз») получения доступа в вузы, используется группами с низкой академической конкурентоспособностью. Заочное обучение в вузе выполняет важную функцию демократизации состава получающих высшее образование, предоставляет доступ в число студентов лицам невысокого культурного и социально-экономического статуса, но его потребители неизбежно подпадают под действие теории культурного капитала. В результате чем более «слабые» образовательные и социальные позиции на старте занимает заочник, тем меньше вероятность, что получение диплома приведет к позитивным изменениям его позиции в сфере труда. Государству, обществу, высшей школе, предпринимателям целенаправленные усилия по обеспечению высокого качества формируемого заочным обучением в вузах человеческого капитала, важно иметь информацию о социокультурных характеристиках этого контингента обучающихся и учитывать его специфику.

Литература

1. Александров Д. А., Тенишева К. А., Савельева С. С. (2015) Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж» // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 3. С. 66–91. DOI:10.17323/1814-9545-2015-3-66-91.
2. Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. (2018) Среднее профессиональное образование: состояние и прогноз развития. М.: Дело.
3. Бессуднов А. Р., Малик В. М. (2016) Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 1. С. 135–167. DOI:10.17323/1814-9545-2016-1-135-167.
4. Донецкая С. С., Довгаль С. В. (2018) Продвижение выпускников на рынке труда и отслеживание их трудоустройства: опыт университета // Высшее образование в России. № 4. С. 93–100.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. (2015) Молодые специалисты: проблемы подготовки и положение на рынке труда // Социологические исследования. № 5. С. 114–122.
6. Ключарев Г. А. (2015) «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. № 11. С. 49–56.
7. Клячко Т. (2016) Высшее образование: больше, лучше, дешевле? // Демоскоп Weekly. № 669–670. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/index.php>
8. Константиновский Д. Л. (1999) Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС.
9. Константиновский Д. Л., Абрамова М. А., Вознесенская Е. Д. и др. (2015) Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М.
10. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. (2014) Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М.
11. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. (2011) Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 гг. М.: Институт социологии РАН.
12. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. (2018) Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. № 3. С. 34–44. DOI:10.7868/S0132162518030030.
13. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. (2015) Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. № 11. С. 37–48.
14. Косякова Ю., Куракин Д. (2016) Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 5 (88). С. 127–145.
15. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. (2016) Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 5 (88). С. 77–79.
16. НИУ ВШЭ (2020) Индикаторы образования — 2020: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ.
17. Сандлер Д. Г., Сущенко А. Д., Кузнецов П. Д., Печенкина Т. Е. (2018) Трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего об-

- разования // Университетское управление: практика и анализ. Т. 22. № 3 (115). С. 73–85.
18. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. (2019) Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 4. С. 539–554.
 19. Харченко И. И. (2008) Современная молодежь Сибири: образовательные и профессиональные стратегии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
 20. Чередниченко Г. А. (2019) «Заочник» высшей школы: учеба и после выпуска // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 2. С. 46–64. DOI:10.19181/snsp.2019.7.2.6409.
 21. Чередниченко Г. А. (2018) Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 2. С. 254–282. DOI:10.17323/1814-9545-2018-2-254-282.
 22. Чередниченко Г. А. (2014) Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М.
 23. Юшкина Н. А. (2019) Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // Вестник университета. № 11. С. 176–183.
 24. Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // Sociology of Education. Vol. 91. No 3. P. 224–241.

Educational and Career Trajectories of Extramural Students and Graduates of Higher Education

Galina Cherednichenko

Author

Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: Bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo Str., 117218 Moscow, Russian Federation.

E-mail: galcher2211@gmail.com

The results of a 2019 sociological survey conducted on a nationwide structured sample of extramural students (2019) and graduates (2000–2018) of Higher Educational Institutions (HEIs) are used to construct the social portrait of extramural students and graduates and identify the types of their educational strategies as well as the motives that led them to extramural studies. We compare the expected and experienced effects of education on graduates' positions in the labor market and analyze their movements within the socio-occupational hierarchy as a result of obtaining that education.

Abstract

Extramural students differ from full-timers in that they feature a more democratic socioeconomic composition, possess a different amount of educational resources at the enrollment stage, and have specific needs, the most important one being that of entering the labor market and/or compensating for reduced competitiveness. A large proportion of extramural students already have a vocational school diploma, which reflects the growing popularity of the bypass strategy to access higher education among certain social groups, which allows them to slip past the obligatory high-stakes testing. Educational capital of HEIs candidates (corresponding to four types of educational trajectories of extramural students) correlates with their socioeconomic backgrounds. The advantages and disadvantages of educational start extend into the next stage of education. Similarly, the socio-occupational statuses' differentiation of extramural freshmen are further translated into different degrees of success in converting qualifications into degree-matching statuses.

higher education, extramural studies, college students, graduates, educational trajectories, application of HEIs degrees in the labor market.

Keywords

Alexandrov D., Tenisheva K., Savelyeva S. (2015) Mobilnost bez riskov: obrazovatelnyy put "v universitet cherez kolledzh" [No-Risk Mobility: Through College to University]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 66–91. DOI:10.17323/1814-9545-2015-3-66-91.

References

Belyakov S., Klyachko T., Polushkina E. (2018) *Srednee professionalnoe obrazovanie: sostoyanie i prognoz razvitiya* [Vocational Education: Current Status and Future Projections]. Moscow: Delo.

Bessudnov A., Malik V. (2016) Sotsialno-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatelnoy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 135–167. DOI:10.17323/1814-9545-2016-1-135-167.

Cherednichenko G. (2019) "Zaochnik" vysshey shkoly: ucheba i posle vypuska [Part-Time Students of Higher Education: Study and after Graduation]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika/Sociological Science and Social Practice*, vol. 7, no 2, pp. 46–64. DOI:10.19181/snsp.2019.7.2.6409.

- Cherednichenko G. (2018) Zaochnaya forma polucheniya vysshego obrazovaniya v sravnenii s ochnoy (na materialakh statistiki RF) [Distance Learning as Compared to Full-Time Programs in Higher Education (Based on Russia's Official Statistics)]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 254–282. DOI:10.17323/1814-9545-2018-2-254-282.
- Cherednichenko G. (2014) *Obrazovatelnye i professionalnye traektorii rossiyskoy molodezhi (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Educational and Career Trajectories of Russian Youth (Based on Sociological Research)]. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing.
- Donetskaya S., Dovgal S. (2018) Prodvizhenie vypusknikov na rynke truda i otslezhivanie ikh trudoustroistva: opyt universiteta [Graduates' Promotion on Labor Market and Tracking Their Career: The Experience of Novosibirsk State University]. *Vysshee obrazovanie v Rossii/Higher Education in Russia*, no 4, pp. 93–100.
- Kharchenko I. (2008) *Sovremennaya molodezh Sibiri: obrazovatelnye i professionalnye strategii* [Modern Youths of Siberia: Educational and Career Strategies]. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Khavenson T., Chirkina T. (2019) Obrazovatelnyy vybor uchashchikhsya posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichnykh i vtorichnykh effektov sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya semji [Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki/Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no 4, pp. 539–554.
- Kliucharev G. (2015) "Razryv" obrazovaniya i rynka truda: mneniya ekspertov ["Rupture" of Education and Labor Market: Experts' Opinions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya/Sociological Studies*, no 11, pp. 49–56.
- Klyachko T. (2016) Vysshee obrazovanie: bolshe, luchshe, desheve? [Higher Education: More, Better, Cheaper?]. *Demoscope Weekly*, nos 669–670. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/index.php> (accessed 10 July 2020).
- Konstantinovskiy D. (1999) *Dinamika neravenstva. Rossiyskaya molodezh v menyayushchemsya obshchestve: orientatsii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-kh godov k 2000-mu)* [Inequality Dynamics. Russian Youths in a Changing Society: Educational Orientations and Pathways (from the 1960s to 2000s)]. Moscow: Editorial URSS.
- Konstantinovskiy D., Abramova M., Voznesenskaya E. et al. (2015) *Novye smysly v obrazovatelnykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya* [New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research]. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center.
- Konstantinovskiy D., Voznesenskaya E., Cherednichenko G. (2014) *Molodezh Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsialnoe samochuvstvie* [Russian Youth at the Turn of XX–XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-being]. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center.
- Konstantinovskiy D., Voznesenskaya E., Cherednichenko G., Hohlushkina F. (2011) *Obrazovanie i zhiznennyye traektorii molodezhi: 1998–2008 gg.* [Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008 Years]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Konstantinovskiy D., Popova E. (2018) Rossiyskoe srednee professionalnoe obrazovanie: vostrebovannost i spetsifika vybora [Russian Secondary Professional Education: Demand and Specificity of Choice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya/Sociological Studies*, no 3, pp. 34–44. DOI:10.7868/S0132162518030030.

- Konstantinovskiy D., Popova E. (2015) Molodezh, rynek truda i ekspansiya vysshego obrazovaniya [Youth, Labor Market and Expansion of Higher Education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya/Sociological Studies*, no 11, pp. 37–48.
- Kosyakova Yu., Kurakin D. (2016) Imeyut li znachenie instituty? Professionalnaya gendernaya segregatsiya na etape vykhoda na rynek truda v sovetskoy i postsovetskoy Rossii [Do Institutions Matter? Occupational Gender Segregation at Labor Market Entry in Soviet and Post-Soviet Russia]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii/The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIX, no 5 (88), pp. 127–145.
- Kosyakova Yu., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) Vosпроизводство sotsialnogo neravenstva v rossiyskoy obrazovatelnoy sisteme [The Reproduction of Social Inequality in the Russian Educational System]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii/The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIX, no 5 (88), pp. 77–79.
- NRU HSE (2020) Indikatory obrazovaniya—2020: stat. sb. [Indicators of Education in the Russian Federation: 2020. Data Book]. Moscow: NRU HSE.
- Sandler D., Sushchenko A., Kuznetsov P., Pechenkina T. (2018) Trudoustroystvo vypusnikov i ego svyaz s kachestvom vysshego obrazovaniya [Employment for University Graduates and Its Measure the Higher Education Quality]. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 22, no 3 (115), pp. 73–85.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*, vol. 91, no 3, pp. 224–241.
- Yushkina N. (2019) Vliyanie obrazovatelnykh traektoriy na formirovanie upravlencheskoy elity v rossiyskikh federalnykh organakh vlasti [Influence of Educational Trajectories on the Formation of the Managerial Elite in the Russian Federal Authorities]. *Vestnik universiteta*, no 11, pp. 176–183.
- Zubok Yu.A., Chuprov V. I. (2015) Molodye spetsialisty: problemy podgotovki i polozhenie na rynke truda [Young Specialists, Training and the Situation in the Labor Market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya/Sociological Studies*, no 5, pp. 114–122.